

НОВЫЕ
Сказки
СТАРОЙ РУСИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
РЕДАКТОР
ВЕРА КАМША

ОФОРМЛЕНИЕ
РОМАН ПАПСУЕВ

RUSSELL BIRD

ПАВЕЛ СУРКОВ
ЕЛЕНА ТОЛОКОННИКОВА
КОНСТАНТИН СЫРОМЯТНИКОВ

Третий взгляд

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

ПАВЕЛ СУРКОВ

ЛИСЬЯ ОХОТА

авно это было.

Поселился в лесу у одной захолустной деревеньки колдун-злонрав. Зайцем умудрялся оборачиваться – потому и прозвище у него было соответствующее: Заюшко. И хорошо устроился: запугал всех местных жителей – несите мне, мол, виру с каждого двора помесячно. Кто поросенка, кто зерна мешок, кто серебряную монету, кто медную – чем богаты, то и несите.

Мужики сперва осерчали, взяли вилы да колья и пошли наглеца проучить. А он вышел к ним, встал посередь дороги, взмахнул руками, пошептал что-то и склянку какую-то отворил. Вырвалось из склянки зеленое облачко, окутало мужиков – все как один страшной головной болью скорбны сделались, аж в глазах потемнело. А колдун хохочет: «Еще раз вздумаете пойти против меня – я на вас настоящий мор нашлю, а не мелкую хворь».

Пригорюнились крестьяне и обратно побрели – головы лечить, дань злонраву собирать.

Да только много ли с мелкой деревушки возьмешь? Таскали Заюшке, что могли, – раз в месяц, на народившуюся луну. Колдун подношения принимал, незатейливые украшения переплавлял во всякие мерзостные амулеты: то в кольцо заговоренное, то в браслет чудной, а то и в плашку с письменами черными. На шнурок подвесит, шнурком тем дерево обвяжет – так к тому дереву на десяток шагов не подойти: ворожкой темной веет, ажно волосы дыбом встают. Тем и оборонялся. Попробуй сунься! Не пробьешься, забудь! Мимо заслонов не пройти. А он сам-то зайцем перекинется – скок-поскок, с запада на восток, тропинки поперек, прямо да вбок – вот уже и у избушки своей сидит, кряхтит, бурчит да глазом бесстыжим зыркает.

Время от времени находились в деревне смельчаки, что вызывались пойти против колдуна. Да недолго удальцы выдерживали – только зайдет человек в лес, встанет на тропку, что ведет к колдуновой заимке, так черная волшба и сработает. Кто покрепче – у того просто все тело ломит, дрожь колотит, кто послабей – тот, бывает, без чувств на землю валится...

Богатырей или Охотников звать на подмогу? Ясное дело, первым делом отрядили человека в соседний город к посаднику,

мол, так и так – спасайте. Да только гонец тот пропал по дороге – не иначе Заюшко его нагнал да сгубил. Больше рисковать не отваживались...

Что до тамошнего лесовика, так колдун и его застрашал не меньше, чем деревенских: пригрозил, мол, если хоть чем заденешь меня – такое заклятие наложу, что все деревья до последнего кустика усохнут в три дня.

А для лесовика его лес – что семья, каждый сучок – сынок, каждая веточка – дочка... Поверил. Так и жить стали. Лесовик колдуну не трогает, колдун с деревни виру собирает.

Год прошел, другой, а на третий – неурожай случился. Самим бы людям выжить, а не живоглоту последнее отдавать...

А в деревне той старушка одна жила, Чеславой звали. Когда-то давно завещала ей мать наговор чудесный. Слово в слово надо было его произнести, не ошибиться – а Первозверь его в то же мгновение услышит, где бы он ни был. Услышит и почует, кто да как слово волшебное сказал. Если без злого умысла, от чистого сердца, от горя и отчаяния – то придет Первозверь на выручку.

Поглядела Чеслава, как соседки ее воют да как мужики угрюмо в бородах чешут и трясутся при этом, что лист осиновый, как все

только шепотом о Заюшке-злонраве толкуют да думают, как не прогнать его вирой малой, недостаточной, – так и решила.

Встала рано поутру, с первыми пелухами, умылась холодной водой, вышла во двор, глаза закрыла – да заветные слова и произнесла.

И так уж вышло, что услышала чеславин зов Лиса Патрикеевна... И были в том зове и боль, и отчаянье, и последняя надежда: когда все, на что прежде уповал, вдруг оказалось тщетно. Ну, как тут было не ответить? Лиса и ответила.

Не сразу, конечно, не в ту же минуту появилась перед Чеславой – до нее еще надо было добраться-добежать. Но и часа не прошло: вот уже

и стоит Патрикеевна у плетня, ждет. Выбрала Лиса звериное обличье для первой встречи – пусть увидит бабка, кто явился к ней.

Когда выходит к тебе Первозверь во всей своей красе, в истинном виде – как не обомлеть. Вот и Чеслава – опешила, ахнула, чуть наземь не повалилась, но устояла. Поясной поклон отвесила, сказала ласково, вежливо: «Здравствуй, Лиса-матушка, спасибо тебе, что пришла».

Ну, раз пришла, так пришла. Как выслушала Патрикеевна чеславин рассказ, так злость на колдуна ее и обуяла. Всяких злонравов повидала рыжая на свете. Разное оно бывает, зло. Есть чистое, без примесей, Чернобог и Тьма повелевают им – вершат их слуги потребности и мерзость всякую.

Есть глупое зло, неразумное, даже случайное – то самое понятное, его и не худшие люди порой по недомыслию творят.

А есть мелочное зло, с подлостью, с лукавством и хитрецей – вот гаже его ничего нет. Когда не просто пакости творят, а еще норовят, помимо одной, большой, кучу мелких злодейств совершить. Вот как Заюшко этот – не только мзду с людей невинных берет, так еще и измывается, в постоянном страхе держит.

Чеслава и про его недавнюю волшбу Лисе поведала: сказала, мол, отковал злодей из меди петуха с косою, поставил перед своей избушкой да чары на статую наложил. Как чужой к колдунову логову подойдет – петух оживает, на раз косою машет, тут и поминай как звали.

Так что даже если кто проберется сквозь ловушки да колдовские заслоны, кто заклятий колдовских не устрашится – все одно на стража медного набредет, а тот ему – голову с плеч!

И вот как услышала Лиса про того петуха, так и поняла, что колдун-то, видать, боится чего-то. А то с чего бы ему продолжать окружать себя все новой и новой защитой, еще и столь мудреной?

Знать, слабина у него имеется, и отыскать эту слабину – теперь ее, Патрикеевны, первостепенная задача...

...Она вышла к опушке, оправляя юбку. Путь оказался нелегким, даже на Первоверья некоторые особо хитроумные заклятия Заюшки действовали так, что шерсть дыбом становилась. Но сейчас не время показывать свой истинный облик, сейчас надо явиться перед колдуном в человеческом образе, да таком, чтоб у поганца слюнки потекли.

Девушка с густыми рыжими волосами встала на краю опушки и огляделась. Петух был на месте: замер на высоком столбе у избушки. Здоровенный, и впрямь медный, на солнышке поблескивает, а под кованым крылом – остро отточенная коса.

При виде незнакомки механическая птица встрепенулась, башка дернулась в сторону гостьи, медный гребешок встал торчком. Но пока страж сидел на месте и нападать, кажись, не собирался.

Хозяин же петуха рыжую красотку тоже явно заметил. Патрикевна чувствовала на себе пристальный взгляд из-за мутной оконной слюды: злонрав понял, что у него гости, и хоть выходить из избушки не спешил, но любопытство с любострастием зачастую сильнее страха.

Лиса-Лизавета сделала шаг вбок, встала ровно напротив крыльца избушки и поклонилась до земли.

– Здрав будь, хозяин! – громко сказала она. – Еле сыскала дом твой. Не откажи уж, выйди, покажись. Спросить совета хочу.

В избушке послышался шорох, дверь, скрипнув, приоткрылась на щелку, и раздался голос колдуна – хриловатый, но высокий, словно кошке хвост прищемили:

– Сама-то кто будешь? Как нашла дорогу?

– Дорогу-то отчего ж не найти, тут про тебя всякий знает, каждый покажет. Лизаветой меня звать, травницей я была в сельце Коселки...

– Не слышал о таком, – проскрипел колдун.

Лиса усмехнулась.

– Конечно, батюшко, откуда слышать-то? Верстах в семидесяти оно, маленькое. Да и нет там у нас ничего: дуб да колодец.

– Чего пришла-то? – снова крикнул невидимый пока колдун. – Раз нет ничего – так и говорить не о чем.

– Да есть о чем, батюшка! – воскликнула Лизавета. – Я почто ремесло-то свое бросила? Дар у меня обнаружился.

– Какой дар-то? Крапиву собирать? Лягушек коптить? Змей варить? – мерзко хихикнул колдун. – Говори скорее, зачем пришла, чего хочешь!

– Говорят, искусством оборота ты владеешь отменно. Поучиться у тебя хочу.

– Поучиться! – фыркнул колдун. – Кого ни попадя к себе брать – слыханное ли дело! Да и с чего ты вообще взяла, что я тебя чему-то учить стану?

– Только ты мне помочь и сможешь. – Теперь Лизавета почти пела. – Я почему из деревни-то ушла? Мучилась страшно под полную луну. Все тело ломило, как в сон проваливалась. Такое виделось, что и словами не описать. А просыпалась вдали от дома: то в поле, то в лесу.

– Ишь ты, – пробормотал голос колдуна. – Про такое только в западных землях сказывают... А чего ко мне-то пойти решила? Я ж не оборотень.

